

К Р О К О Д И Л

МЕСТНАЯ ИНИЦИАТИВА

- А почему в нашем районе не делают этих вещей?
- Ты жена предрайисполкома, а задаешь такие вопросы, словно ты рядовая домашняя хозяйка.

Рис. К. Елисеева

Где лыжи?

Человек у теплой печки
Пьет сухумский чай из блюда.
А над ним плывут колечки,
Голубые струйки вьются.

За окном январь морозный.
Лютый ветер у заставы
Так прохватывает сосны,
Что у них трещат суставы.

Дуб, сложив у ног одежду,
На ветру скрипит зубами.
Заблудилась вьюга между
Телеграфными столбами.

В трубах вихри загудели.
Человек ворчит сквозь зубы:
— Видно, холодно метели,
Что она влетает в трубы.

За окошком снег кружится.
Человек зевает сладко.
Вдруг на лбу его ложится.
Вопросительная складка.

Из метельной пены вязкой
В шарфах дымчатых и красных
Вышли лыжники, как в сказке
Тридцать витязей прекрасных.

Человеку стало тесно
В душевной комнате... в пижаме...

Он представил, как чудесно
Свищет ветер за ушами.
Если сердцем обезволишь,—
Захлебнешься в чайной жиже.
Сколько градусов? Всего лишь
Двадцать пять. Где шарф? Где лыжи?

Человек раздвинул плечи
И шагнул к дверям упруго.
Ожидая этой встречи,
На пороге вьюга вьюга.

Приготовилась к атаке,
Но взглянула... оробела.
Завиляла как собака
И ползет на брюхе белом.

На щеках у парня розы.
Парню весело — смеется.
След широкий двухполосый
За его спиною вьется.

И молоденькая елка,
Что с иголочки одета,
Долго, долго, очень долго
Смотрит вслед ему: «Кто это?»

И уж он летит вдоль речки
И кричит, прибавив ходу:
— Как я мог сидеть у печки
В эту чудную погоду?!

БОРИС КОВЫНЕВ

НЕБЕЗОПАСНЫЙ ЗАПАС

Рис. Бор. Ефимова

— Директор запас гвоздей с таким расчетом, чтобы про-
держаться десять лет.
— А сколько продержался?
— Два месяца. Сняли.

СРЕДИ СЕНЕГАЛЬСКИХ СТРЕЛКОВ

Рис. Ю. Ганфа

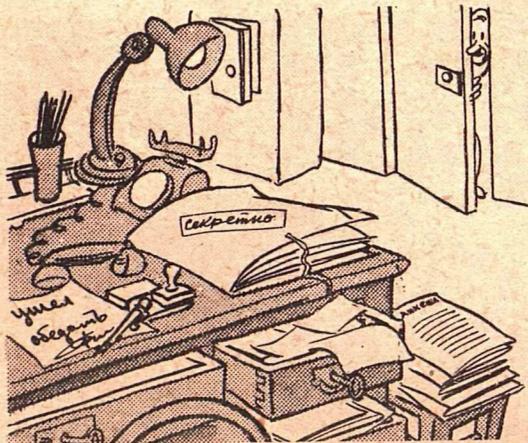

- Наконец-то мне ясно, за что я сражался!
- ???
- Петэн так и пишет: за чистоту французской расы.

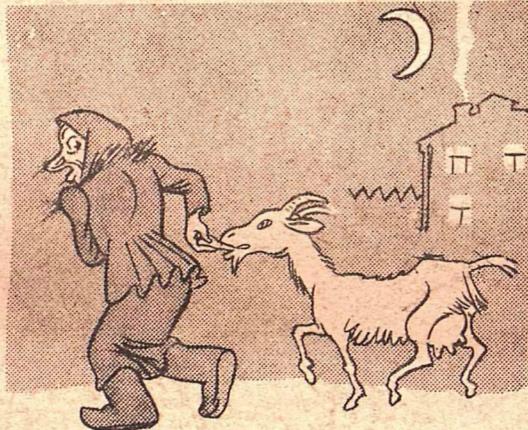
Рис. Н. Луца

Зеленый джемпер

УТЕРЯНЫ круглая печать и бланки заводоуправления. Считать действительными.

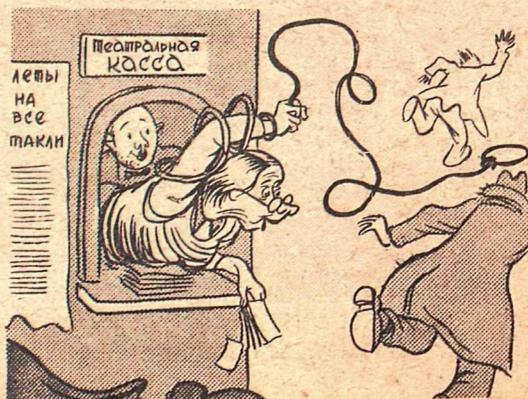
ПРИСТАЛА коза гр. Сидорова. Через 3 часа считаю своей.

МЕН. 2 к. разн. р. все уд. на люб. смеж. площ.

ТЕАТРУ нужна опытная кассирша, хорошо знакомая с техникой дела.

В ПЛОТЬ до 14 декабря 1939 года партийные собрания в нашей организации длились в среднем от двух до трех часов. Начиная с 15 декабря 1939 года каждое партийное собрание в нашей организации продолжается не менее пяти часов.

Два лишних часа уходит на «Зеленый джемпер». «Зеленый джемпер» — это не вещь, не предмет ширпотреба. Это Лемешко.

Мы дали ему эту трикотажную кличку потому, что почти круглый год тов. Лемешко шеголяет в блестящем зеленом джемпере.

Появился Лемешко на нашем горизонте 15 декабря 1939 года. В тот день у нас было партийное собрание. И продолжалось оно лишних два часа.

С того самого дня мы привыкли к тому, что на каждом собрании наш джемпероносец отнимает у нас минимум два часа.

...К столу подходит секретарь партбюро. Он стучит карандашом по столу и говорит:

— Я думаю, можно начинать...

«Зеленый джемпер» тут как тут.

— Давно пора! — провозглашает он.

— Итак, на собрание явилось... — пытается продолжать секретарь.

Но «Зеленый джемпер» прерывает его:

— А кворум есть?

— Я об этом и хочу сказать. Итак, на собрание явилось...

— А сколько не явилось?

— Товарищ Лемешко, сейчас все скажу. На собрание явилось сто тринадцать из ста двадцати человек. Поэтому считаю...

— Одну минуточку. Вношу предложение — запросить отсутствующих о причине неявки.

— Да мы это всегда делаем.

— А все-таки для ясности прошу мое предложение поставить на голосование.

Наконец-то секретарю удается объявить собрание открытым.

Президиум избран. Председатель объявляет порядок дня:

— 1) о международном положении, 2) прием в партию. Кто за утверждение этого...

— Одну минуточку, — заявляет «Зеленый джемпер», — вношу для ясности предложение: внести третий пункт — текущие дела.

— Чем вы это мотивируете, товарищ Лемешко?

— Мотивировать не собираюсь, чтоб не отнимать лишнего времени, а вношу конкретное предложение. Прошу для ясности поставить на голосование.

— А у вас есть какие-нибудь вопросы в текущих делах?

— Я не только о себе думаю: у меня нет, у других найдется...

Председатель объявляет:

— Итак, слово для доклада о международном положении предоставляется товарищу Карповичу... Да, кстати, о регламенте. Докладчик просит сорок пять минут.

— Я против! — и «Зеленый джемпер» торжественно подымается с места. — Я категорически против. Международное положение чревато последствиями. И постольку поскольку мы с вами, товарищи, находимся в капиталистическом окружении и не должны забывать о бдительности, а кое-кто уже, нечего скрывать, начал об этом забывать и почил на лаврах... За примерами недалеко ходить. Захожу я наднях в сектор планирования, а там...

— Товарищ Лемешко, говорите по существу.

— Что значит: «по существу»? Пусть другие болтают «по существу», а я говорю, как умею. Так вот, захожу я в сектор планирования...

— Хватит! — раздаются голоса.

— Ну что ж! Я могу для ясности и не выступать, хотя не в моих правилах замазывать.

— Что вы предлагаете конкретно по поводу регламента?

— Принимая во внимание, что международное положение — вопрос наболевший, предлагаю не ограничивать докладчика временем.

Проходит минут пятнадцать. Все слушают с интересом содержательный доклад Карповича

и лишь изредка с опаской поглядывают на «Зеленый джемпер», который с огромным прилежанием что-то строчит в своем блокноте. Так в летний погожий день с тревогой глядишь на темное облачко, появившееся на горизонте: быть дождю!..

И дождь разразился самым неожиданным образом. Лемешко вдруг вскочил:

— Товарищ докладчик, я очень извиняюсь. Но вопрос серьезный. Замечаю, что Снегова не ведет протокол, ни черта не записывает, а только слушает. Мы ей оказали доверие, избрав в президиум, а она, извините, манкирует своими обязанностями. Вношу предложение: избрать для ясности другого секретаря.

Еле его утихомирили. Но вот докладчик кончил.

— Какие у кого вопросы?

Карповичу был задан товарищами ряд деловых вопросов. Наконец, очередь дошла до Лемешко.

— У меня, товарищи, такой вопрос... Искренне говоря, меня доклад не совсем удовлетворил. Докладчик ничего не сказал о взаимоотношениях Уругвая с Парагваем, а также замазал актуальный вопрос о Южной Каледонии. И поэтому для ясности вношу конкретное предложение: дать дополнительно товарищу Карповичу полчаса, чтобы он осветил Уругвай с Парагваем и охватил Южную Каледонию.

Народ у нас активный. В нашей организации очень оживленно проходят собрания.

Но речи Лемешко наводят уныние. Мы знаем, что не потому он выступает, что взволнован тем или иным вопросом. Нет, он ко всему безучастен. А его многословие объясняется тем, что, с одной стороны, он увлечен своим собственным красноречием, а с другой — пытается играть неумного активиста.

В прениях он всегда выступает пятым или шестым. И говорит он так:

— Товарищи! Тут Курилин говорил о том, что надо на этот вопрос мобилизовать наше мнение. Я вполне согласен с Курилиным по вопросу о том, что надо на этот вопрос мобилизовать наше мнение. Но я несогласен с Курилиным, когда он говорит, что надо мобилизовать наше мнение по этому вопросу лишь потому, что вопрос назрел. Правильно, вопрос назрел, но совершенно прав товарищ Федяев, когда он заострил внимание на том, что вопрос надо поднять на принципиальную высоту... и т. д. и т. д.

Но вернемся к описываемому нами собранию.

Обсуждается второй вопрос повестки дня — прием в партию. Товарищ Беляев рассказал свою биографию. Ответил на несколько вопросов, заданных ему с места. И вдруг опять поднялся с места «Зеленый джемпер»:

— Скажите, пожалуйста, товарищ Беляев, это не ваш брат работал в Калуге?

Все насторожились.

— Нет, — отвечает Беляев, — мой брат никогда не работал в Калуге.

— Это вы точно помните?

— Точно.

— Ага! Больше вопросов не имею.

И сел, улыбаясь, как будто что-то знает, но до поры до времени молчит.

— Чем вызван ваш вопрос, товарищ Лемешко? — спрашивает председатель.

— А что, спросить нельзя? Прием в партию — серьезное дело. Тем более, что я знаю этого калужского Беляева. Хороший парень, ничего плохого про него сказать не могу...

У нас в организации 120 человек. Каждый сидит на собрании лишних два часа. Итого Лемешко забирает каждый раз $120 \times 2 = 240$ часов, или 10 суток.

С тех пор как «Зеленый джемпер» озарил наш горизонт, было 20 собраний, партийных, профсоюзных и прочих.

$20 \times 10 = 200$.

Двести суток похитил у нас этот человек! Похитив у нас столько времени, он куда-то ушел от нас. Где он теперь?

Может, «Зеленый джемпер» ныне красуется в вашей организации, читатель?

Г. РЫКЛИН

Стиль в сравнительно научном определении — это способ художественного выражения, обусловленный индивидуальностью автора.

Понадобилось, скажем, главному инженеру треста «Союзстромпроект» тов. М. О. Юшкевичу и начальнику планового отдела тов. П. А. Жданову обозначить средствами художественной прозы простое определение в графе «наименование работ». И вот вышеупомянутые авторы пишут:

«Изыскательские работы по выполнению изыскательских работ по выявлению степени выполняемости.»

На одном дыхании написано, а сила какая! Несравненной наблюдательностью художника удивила читателей тов. Аликперова в своей последней работе, озаглавленной «Приказ по Ленкоранскому отделению управления кинофикации за № 80 от 7/XII 1940 г.».

«Сего числа, — пишет тов. Аликперова, — освободить от занимаемой должности кино механика тов. Г. с направлением его в город Баку в сектор кадров. Причина освобождения — Г. не совсем здоров мышлением, т. е. сумасшедший.»

Как видит читатель, здесь автор с присущими ему средствами художественного выражения сообщает, что не вполне здоровый мышлением тов. Г. не такой уж одинокий в Ленкоранском районе.

Среди авторов библиотеки занимательного чтения следует отметить пока еще мало популярного начальника Куйбышевского отделения милиции младшего лейтенанта Сошникова.

Случилось так, что гражданин Бороденко ударил мальчика Александра Великородова кофейником и рассек ему голову. Сошников смело пишет по этому поводу:

«Проверкой установлено, что со стороны Бороденко хулиганских действий нет. Бороденко ударил Великородова Александра Савельевича кофейником, справки от врача о нанесении удара не имеется. Бороденко снят с работы.»

Подробностями Балзака и психологически деталями Достоевского, скажем прямо, творчество Сошникова не отмечено. В противном случае он дописал бы, что ударил мальчика Великородова фельдшер Бороденко во время приема и справку — это недостающее звено в цепи — нужно было просить у самого Бороденко, так как ближайшая больница расположена в 35 километрах от места происшествия.

Итак, как видит читатель, Сошников пишет легко, грациозно, без всякого нажима. А здесь бы требовались настоящие, суровые слова.

В этом смысле весьма поучительным образом может порадовать читателей руководитель тарного хозяйства Узбекской республиканской конторы Востоказаготзерно Негоденко. В своем «Ответе исполнителю по техбазе тов. Чучкиной» тов. Негоденко пишет:

«Что с вами, или вы лишились рас-судка или совершенно не читаете моих указаний о порядке представления сводок об отгрузке мешкотары?»

Следует все же отметить, что сила воздействия литературного произведения Негоденко весьма относительна, особенно если сравнить его с последним сочинением заместителя директора вяземской типографии тов. Лукьянова.

Лукьянов пишет кратко, но вместе с тем чрезвычайно выразительно:

«В ресторан Вяземского Торга. Вяземская типография просит отпустить на 29/XI 1940 г. 40 горячих буфетчице Вяземской типографии Несвитайло.»

Только внимательная учеба и труд могут сформировать писателя, который без особых усилий сумеет ясно и красочно выразить свои мысли, как это научился, например, делать заместитель прокурора Челябинской области тов. Звонарев:

«Вряд ли есть основания утверждать, что отсутствие протестов есть следствие отсутствия фактов нарушения законности. Наоборот, больше оснований утверждать, что отсутствие протестов есть следствие полного отсутствия надзора...»

Кратко. Понятно. И предельно выразительно!

Б. ЛАСКИН

— Великий все-таки поэт — Пушкин.
— А ты много его читал?
— А как же! Все, что написано на памятнике.

Близнецы

Мы в семействе двое только,
Но не трудно спутать нас:
Родились мы с братом Колькой
В тот же день и тот же час.

Мама вскрикнула: «О боже,
Как похожи, просто жуть!»
Папа вскрикнул: «Ну и что же,
Разберемся как-нибудь!»

Но не могут разобраться
Папа с мамой тридцать лет,
Потому что рожа братца —
Абсолютно мой портрет.

С детства я терплю невзгоды,
Но не по своей вине:
Николай обелся меда, —
А касторку дали мне.

Я лечил больную ногу,
Пролежал четыре дня:
Николай дразнил бульдога —
Укусил бульдог меня.

Стал я взрослым, я влюбился,
Добивался целый год,
Николай пришел, женился —
Теща у меня живет.

Я боюсь, что будет скверно:
Николай — ужасный плут,
Он умрет — меня, наверно,
В крематории сожгут.

Но сегодня я доволен,
Удовлетворен вполне:
За стихи, что пишет Коля,
Гонорар прислали мне.

НАТАЛЬЯ КОНЧАЛОВСКАЯ

Рис. Л. Генча

— Да ну, мама! Скоро ты кончишь за меня уроки? Я устал, мне спать пора.

Правила уличного движения

О человек!

Когда бы ты не крал на щекотливой должности завмага; когда б ты честно мерил материал, без ловкости волшебника и мага; когда б, любя подножные корма, не думал ты в губительном угаре, что даже государственный карман находится в твоей пиджачной паре; когда б не строил дачу ты себе, имея очень скромную зарплату, и не возили б плитусы тебе, таинственно добытые по блату; когда б тебе противной стала лень и ты б устал от вечных опозданий, без дела но скитался б целый день по коридорам учреждений зданий; когда бы инвалидам уступал ты место в переполненном трамвае, не тыкал, не ругался, не плевал на всех и вся, приличья забывая, и если бы к тому ж переходил ты улицу лишь при зеленом свете, — тогда б ты пешеходом был примернейшим на свете.

Ал. РОХОВИЧ

СУВОРОВ И ДР.

Скромность, как известно, является добродетелью и лучшим украшением героя.

Недавно киностудия Мосфильма закончила работу над художественным историческим фильмом «Суворов».

Картина, как мы увидели, получилась интересная и значительная, и вполне объяснимо теперь огромное внимание, которое оказывалось с'емочной группе со стороны студии и ее газеты.

Убоявшись, как бы творческие заслуги режиссеров не остались не замеченными потомством, студийная газета «За большевистский фильм» в № 55 от 19 декабря 1940 года сообщает на первой странице:

«Сто сорок лет назад полководец Суворов перешел в пургу, в зимнюю стужу, с армией непобедимых чудо-богатырей легендарный Чортов мост, перекинутый через яростный поток реки Рейсы. Несмотря на то, что в упор вражеские

пули косили храбрецов и часть моста была взорвана французами, великий русский полководец сумел провести свою армию в тыл врага, совершив неповторимый военный триумф (?!), равного которому нет в военных летописях прошлых столетий.

Не менее ответственные задачи стояли и перед режиссерами фильма...»

Так прямо и написано: «...не менее ответственные задачи!»

Нам думается, что если спросить у режиссеров В. Пудовкина и М. Доллера, разделяют ли они точку зрения газеты, они застенчиво улыбнутся и разведут руками.

Вместо того чтобы запросто распределять среди творческих работников лавры Суворова, ответственному редактору газеты тов. С. Альтшицер следует заполнить свободное время внимательным чтением газеты, которую она подписывает.

САМЫЕ неприятные мои сны почему-то имеют местом действия станции железных дорог. Какие-то унылые, бесконечные платформы, темные, медленные поезда...

В жизни я путешествую благополучно. Минут за двадцать приезжаю на вокзал, в вагоне располагаюсь с удобствами, у меня даже никогда не крали в дороге вещей.

Во сне я бегу по скользким мосткам, задыхаясь и теряя чемоданы, к медленно отходящему вагону, вижу, как перед моим носом он ускоряет ход, тщетно стараюсь схватиться за поручни, падаю, кричу...

Сегодня ночью я вошел в темный и неудобный поезд и странствую по вагонам, забитым мрачными пассажирами и жутким багажом. Я где-то оставил чемодан и потерял пиджак с бумажником и документами. И вдруг я догадываюсь, что сел не на тот поезд. Я собираюсь соскочить, но поезд двинулся. А надо еще отыскать мои вещи, чемодан, пиджак... И снова я протискиваюсь через бесконечные, заваленные багажом вагоны и с отчаянием чувствую все ускоряющееся движение.

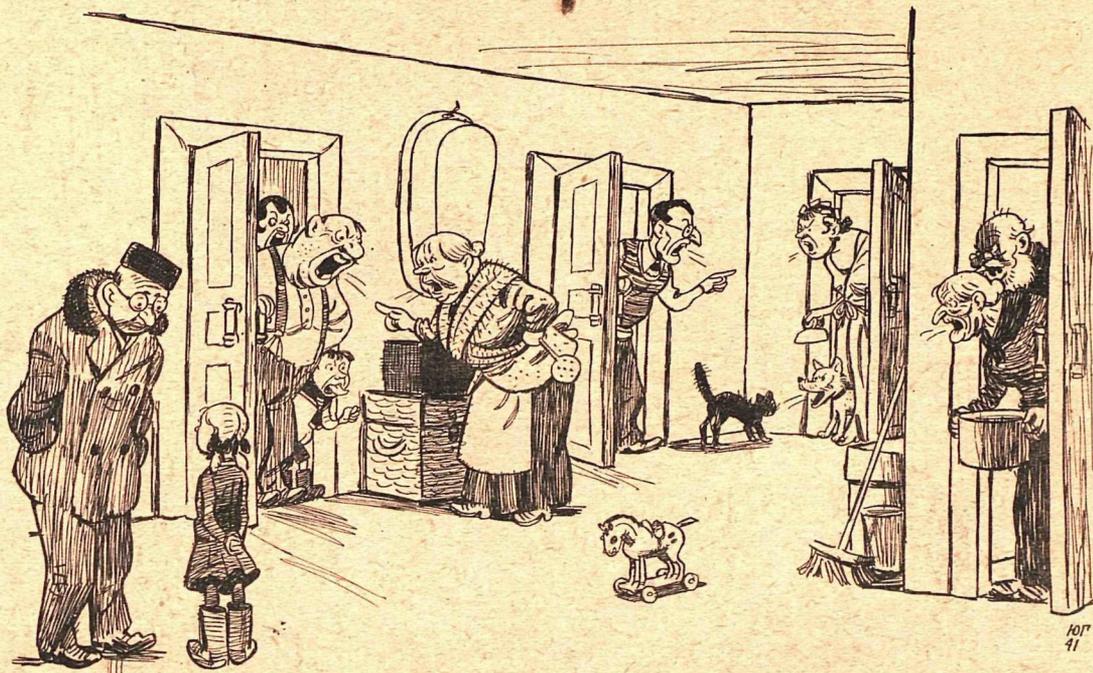
Но вот, как это часто со мной бывает, проблески сознания врываются в фантастику сновидений. Я начинаю сознавать, что все это сон. Я начинаю жить одновременно в двух планах. Мне становится веселее, тяжесть спадает с моего сердца. Маленькое усилие — и я проснусь, и все будет прекрасно. С каждой секундой я понимаю это все отчетливее.

Но я не тороплюсь проснуться. Нет. Я продолжаю свои скитания из вагона в вагон.

В конце концов ведь лишняя минута не делает разницы. И, может быть, раньше чем проснуться окончательно, я еще успею найти свой пиджак.

Ведь, как никак, в нем документы и деньги!..

ЕГОР К. ЕГОР

— Почему у вас в квартире такой крик?
— Не знаю. Все жильцы вот уже год как друг с другом не разговаривают.

Ее права

— Вам Анна Петровна Карпова про меня ничего не говорила? Нет, я почему спрашиваю? Ведь она мой главный враг. Она про меня нивесть чего плетет. Она говорит, будто я ее укусила за икру. Я, во-первых, не собака. А потом, во-первых, я ею брезгую. Тьфу!.. Вообще это неправда, но так ей и надо. И потом: это когда еще было? В двадцать каком-то году. Анна Петровна сама мне три раза в суп клею-синдетикону надавливала. Мне тогда пришлось к своим кастрюлям замки приделывать. Висячие замки. У нас тогда все хозяйки кастрюли на замки запирали. Как обед готовить, — замки гремят, будто амбары запирают. Главное, с ними трудно, с замками: они хоть и висячие, а на примусе разогреваются так, что не возьмешься. А замок простыл, значит, суп простыл...

Но только это все прежде было. Теперь так не делается. Теперь хулиганничать не полагается. И правильно. Зачем хулиганить? Теперь мы только боремся за свои права. Я, например, боролась за свои права с Ольгой Васильевной Рябцовой. Ольга Васильевна вам про меня ничего не говорила? Она мой главный враг. Она меня больше чем Анна Петровна ненавидит. И за то, что я с ней боролась за свое право — ставить калоши сейчас же слева от входной двери. А она считала, что это ее право — ставить калоши слева, а мое право — ставить калоши справа. И главное, какая ехидна! Утром встанет и аккуратно так своими руками перенесет все мои калоши слева направо, а свои — справа налево. Ну, я, конечно, увижу и ногой так вот напощадам...

А потом я, знаете, стала бороться за свое право — слушать радио. Я радио включила, а сама уехала на дачу. И моя радиоточка два месяца разговаривала без перерыва. Я когда приехала с дачи, то слышу: радио даже само охрипло. И Ольга Васильевна тоже как-то охрипла или ослабела...

А я стала бороться за свои права уже не одна, а вместе с юристом. Может, знаете: такой есть юрист товарищ Копытов?

Он вам ничего про меня не говорил? Ведь

он мой главный враг. И главное, за что? Ни за что! Я к нему пришла по-хорошему. Спрашиваю совет: как этой Ольге Васильевне перебить посуду и не попасть в нарсуд?

Он говорит:

— Не знаю!

Я говорю:

— Как же так? Вы отказываете в юридической помощи населению...

Он говорит:

— Я в таких делах не помощник! И не советую вам бить чужую посуду!

Я говорю:

— Вот спасибо! Когда я уже все разбила, он меня отговаривает!

И я прямо пошла к районному прокурору товарищу Соколову. Вам товарищ Соколов про меня ничего не говорил? Ведь он мой главный враг. И за что? Все так хорошо было, я к нему ходила на прием каждый день, а то и по два раза на день. А потом я прихожу, мне секретарша говорит:

— Вас прокурор принять не может.

— Ах, так?! — говорю. — Хорошо! Найдем управу и на вашего прокурора!

И я направляюсь в бюро жалоб. Я уже давно прочитала в газете, что есть бюро жалоб НКПС где-то там, на Разгуляе. Я прямо туда.

Вы заведующего этим бюро знаете — товарища Стороженко? Он вам про меня ничего не говорил? Он ведь мой главный враг. Он меня еще больше ненавидит чем даже прокурор.

Он, знаете, такой узкий ведомственный бюрократ. Он мне говорит:

— Мы принимаем жалобы только железнодорожные. Мы при Наркомпути. Если вас обидели на вокзале, в пути, при сдаче багажа...

Я говорю:

— А у меня жалоба на юриста, на соседку свою, на прокурора... Что же, мне теперь надо юриста заманить на вокзал, чтобы он там на меня плюнул, и тогда я могу жаловаться?..

Ну, я его отчитала как следует, а сама пошла в газету. Может, знаете, такая есть газета, называется «За пищевую индустрию»? Там есть секретарь редакции товарищ Косачевский.

И почему-то он мне тоже стал враг. Главное, за что? За то, что я его попросила написать по правде, как все у меня вышло. И тоже начинаются формальные отговорки: дескать, наша газета занимается вопросами пищевыми, а у вас, говорит, обыкновенная склока...

— Во-первых, — я говорю, — у меня склока необыкновенная. И потом, во-первых, я из-за всех этих дел лишилась аппетита, совершенно никакой пищи не могу принимать. Могу вам доставить медицинскую справку.

И я сейчас же направляюсь к нашему районному санитарному врачу. Может, знаете: такая есть женщина-врач товарищ Гусева? Если она вам про меня что-нибудь говорила, то вы не верьте, потому что она сама грубиянка и склочница. Она меня выслушала и говорит:

— Единственно, что я могу сделать, это дать вам справку, что вы вроде псих.

Я сперва обиделась, а потом решила: с паршивой собаки хоть шерсти клок. Пускай дает справку, что я псих, тем более, что я тут успела поспорить с новой жилищкой, которая у нас на месте Ольги Васильевны, потому что Ольга Васильевна почему-то вдруг обменяла комнату. И как-то так вышло, что эту новую жилищку я чуть-чуть толкнула, а она сама уже отбежала на восемь шагов, быстро-быстро прилегла на пол, нарочно стукнулась головою об отопление и стала кричать, что будто бы я же ее еще и ударила. Это, конечно, неправда, но так ей и надо.

Хорошо. Я и говорю этой Гусевой, врачихе:

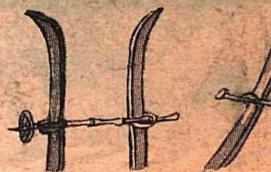
— Ладно, давайте вашу справку, что я псих. И можете себе представить, Гусева справки мне не дает. И вот теперь я все думаю: куда мне пойти жаловаться на эту врачиху?..

Вот если опять в бюро жалоб сходить при Наркомпути? Или, говорят, еще такое же бюро есть при Наркомземе. Но там, говорят, на врачей принимают жалобы только на ветеринарных. Ничего, я схожу. Может, уговорю их принять жалобу на нашу врачиху.

Так трудно, так трудно бороться за свои права, вы сами представить не можете!

В. АРДОВ

ВСЕ

Зима. Крестьянин, торжествуя,
На лыжах обновляет путь.

ТРИ БОГА
(Актуальный вариант известно)

Мне и обидно и
завидно:
Они бегут, а я стою.
Ведь лыжи—это мода.
Стыдно!
Я от эпохи отстаю.

Вперед, навстречу
снежной буре!
За дело! Где комби-
незон?
Он, правда, мне не по
фигуре,
Но, видимо, таков
фасон.

Ну вот прекрасно.
Облачилась.
Пускай я выгляжу,
как морж.
Но как-никак, а я
включилась.
Поставьте „Сон
цыганки“, Жорж.

У САМОГО ФИНИША
— Пожалуй, засчитаем для первого раза.

Пеший—ко

Л Ы Ж И

ТЫРЯ
(и картины В. М. Васнецова.)

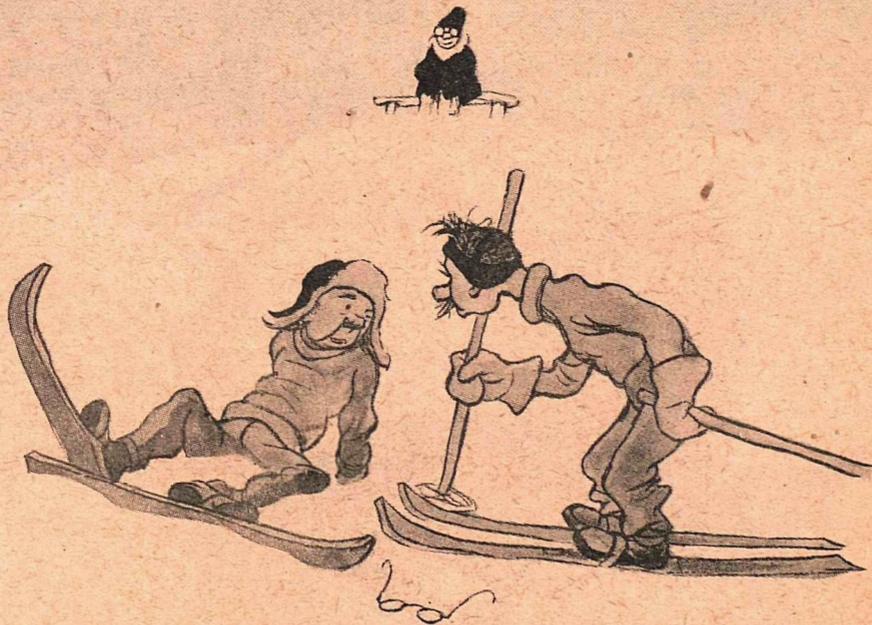
— А Митенька-то мой уже ходит!
— Да ну?
— А как же! Вон, взгляни в окно.

— Нет ли у вас лыж шестнадцатого века красного дерева с инкрустацией?

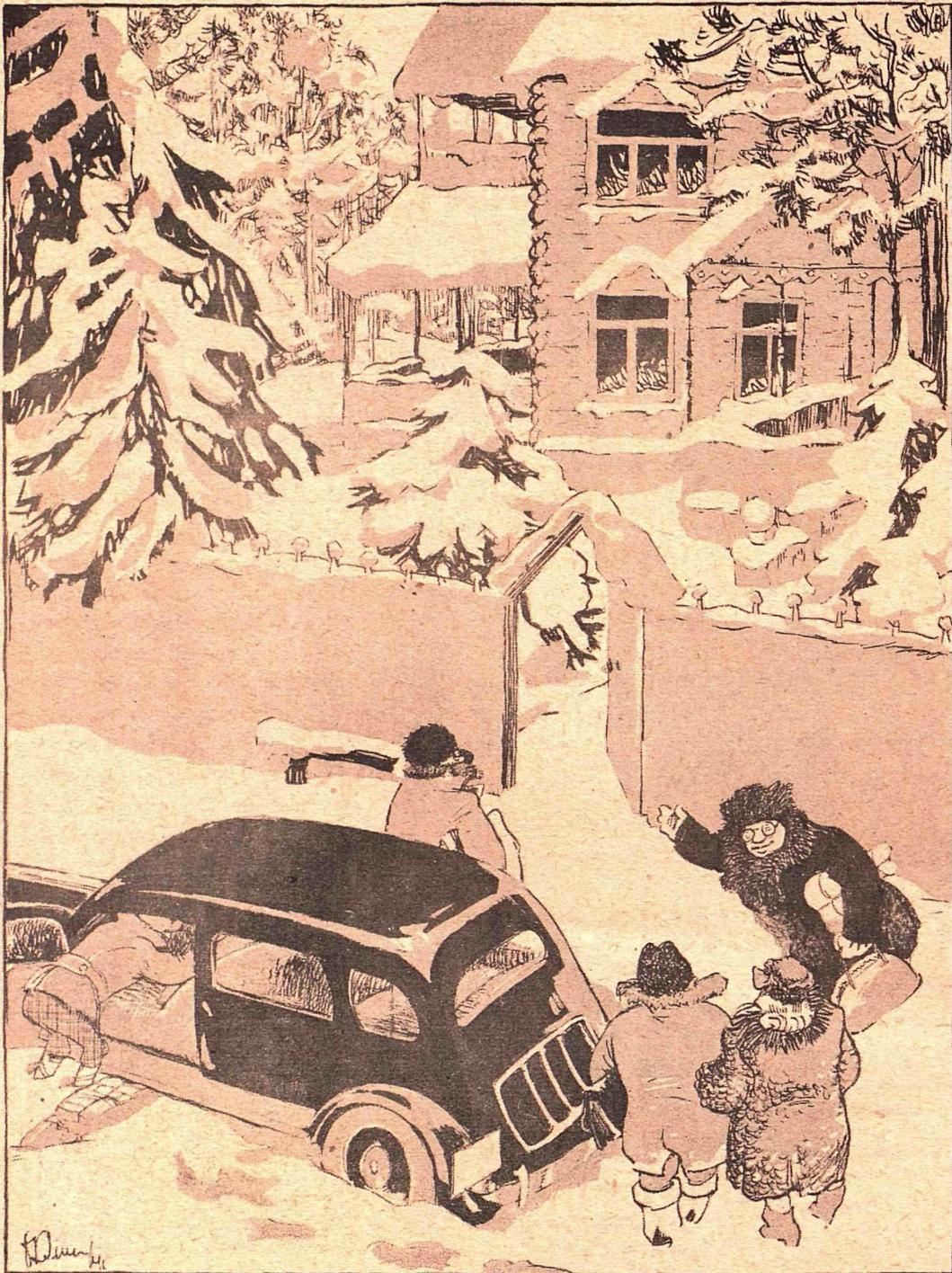

ному товарищ.

— Опять упал?
— Да это не я. Это наш директор, за которого я катаюсь.

Рис. Б. Клинка

— Эх, только и радости в жизни, что раз в неделю отдыхаешь на собственной дачке от этой проклятой службы заведующего хлебной палаткой с окладом в 300 рублей!

Рабы вещей

Я ВСТРЕТИЛ их в антикварном магазине. Они стояли у прилавка, рассматривали какую-то фарфоровую фигурку и ахали:

— Ах, сколько вкуса!

— Ах, какая работа!

— Ах, как она подойдет к нашей спальне!

— Ах, как наша спальня подойдет к ней!

Узнав цену, они ахнули еще раз, пошептались, одновременно крикнули «берем» и побежали к кассе.

— Здравствуйте,— сказал я.

— Ах, это вы!— сказала она.

— Ах, это вы!— сказал он.

— Чего это вы покупаете?

— Ах, какую фигурку мы отхватили!

— Правда, дорого...

— Но зато потрясающая вещь...

— Уникальная старина... Девятый Людовик...

— Одиннадцатый век!

— Тончайшая работа... Бездна вкуса.

У них сверкали глаза и прерывалось дыхание, как у скаковых лошадей, только что пришедших к финишу. Мне казалось, что они сейчас начнут покрываться мыльной пеной.

— Как поживаете?— спросил я.

— Не говорите! Мы так измучены этими покупками старинных вещей!

— Сейчас почти невозможно найти что-нибудь очень старое.

— Но вчера нам подвезло. Мы оторвали такой подсвечник...

— Потрясающей старины!

— Редкая работа!

— Невероятная тяжесть!

— А зачем вам подсвечник, да еще такой тяжелый?

— Как зачем?!— воскликнул он.

— Как зачем?— как эхо повторила она.

— Подсвечник самого Генриха Наваррского!

— Вы только подумайте, у нас на письмен-

ном столе стоит подсвечник, который был свидетелем Варфоломеевской ночи!

— Может быть, этим подсвечником убивали какого-нибудь гугенота. Разве это не великолепно?!

— Или труба, которую мы совершенно случайно купили позавчера.

— Какая труба?

— Труба, на которой играл сам... этот... как его... знаменитый композитор... Котик, кто играл на этой трубе?

— Савелий Бах! Редчайшая труба! Она у нас висит над тахтой. Разве это не великолепно?

— Да вы приходите к нам. Мы вам такую старину покажем — закачаетесь.

— Обалдеете.

Через несколько дней, рискуя «закачаться» и «обалдеть», я к ним пришел.

Небольшая квартира начиная от передней и кончая так называемым местом общего пользования была завешана картинами и заставлена всевозможными вещами. Вещей было так много, что передвигаться по квартире было очень трудно и даже страшно. Все время казалось, что вот-вот заденешь плечом, головой, рукой, боком какую-нибудь вазу, фигуру, статуэтку — и все посыплется и загремит.

Он и она передвигались за мной и как опытные экскурсоводы в музее наперебой объявляли:

— Павел! Екатерина! Александр! Людовик Тринадцатый... Четырнадцатый... Пятнадцатый... Шишкин... Поленов... Айвазовский... Корро... Баккара... Хрусталь... Копенгаген... Ручная работа... Шестнадцатый век... Семнадцатый...

Через два часа, когда в моей голове перемешались все Людовики, когда я почувствовал, что в самом деле начинаю качаться и балдеть, хозяйка любезно предложили:

— Пойдемте на кухню пить чай.

— Почему на кухню?— удивился я.— У вас же прекрасная столовая красного дерева. Павел XIV! IX век! Ручная работа Айвазовского. Хрустальные стаканы — Копенгаген...

— Что вы! Разве можно в такой столовой пить чай из таких стаканов! Еще, не дай бог прольем, опрокинем, разобьем, поцарапаем.

— А спите вы где?

— Тоже на кухне.

— А ваша спальня? Екатерина VII? Ваша кровать работы Баккара?..

— На такой кровати спать!— крикнули они.— Это — кошунство!

На кухне, сидя на простой железной кровати перед некрашенным кухонным столом, мы пили чай из обыкновенных пивных стаканов. Сахару не было.

— Вы уж нас извините,— сказала она,— мы себе во всем отказываем. Все деньги уходят на старину. Ведь мы двадцать лет покупаем, покупаем и покупаем.

— И двадцать лет чай без сахару пьете?

— Ничего не поделаешь. Я шестой год себе штанов не покупаю.

— Все на Людовику уходит?

— Все...

ЯКОВ РУДИН

СПАСИБО, СЕРДЦЕ...

Журнал «Литературный современник» с триумфом закончил 1940 год.

Апофеозом вдумчивой работы редакции явился номер двенадцатый журнала. Выписываем из рассказа «Подруги» (С. Георгиевская) несколько фраз:

«Сердце Жени проделало круговое (!) движение... колеблясь на самых высоких полетах (!) гордости».

Про этот же немаловажный человеческий орган несколькими строками ниже сказано:

«Подвижное сердце (!) Жени совершало привычное путешествие в области чувств».

А на следующей странице напечатано:

«Это было первое «вы», обращенное к ней, и она перешла дрожа из безответственной оболочки «ты» в эту новую оболочку, сложную и колеблющуюся, в которой было не так-то легко удержать равновесие».

Товарищ Князев! Ведь в этой новой безответственной оболочке редактируемый вами журнал не так-то легко удержит равновесие. Уж очень привычно вы совершаете путешествие в область безграмотности.

Таланты и поклонники

Иллюстрации Н. Радлова

Средь шумного бала...

ТЕАТРАЛЬНЫЙ бал был в полном разгаре.

В середине зала стояла огромная елка, вся усыпанная контрамарками. Зеленые ветки сгибались под тяжестью постановочных расходов, так как оформляли их художники Вильямс и Рындн. Свечей не было, вместо них горел Московский театр «Комедия», а роль бесконечной канители, опутывающей стройный стан дерева, играли статьи В. Потапова о балете...

Шум. Хлопанье пробок. Музыка. Тосты. Представитель Коми-

тета по делам искусств поймал ведущего эстрадного артиста и, протянув бокал с искрящимся шампанским, радостно воскликнул:

— С новым годом! С новыми концертными ставками!

Эстрадника вынесли в глубоком обмороке.

В одном из отдаленных углов зала старая цыганка под художественным руководством Яншина гадала по руке одного известного режиссера:

— Позолоти ручку, красавчик, всю правду расскажу... В рецензиях никогда этого не узнаешь... Вот у тебя короткая линия, видишь?.. Это репертуарная... Как раз у советской пьесы обрывается...

Режиссер нервно отдернул руку и скрылся в толпе танцующих.

Целый хоровод масок кружился в синих, красных, зеленых и фиолетовых лучах прожекторов.

— Скажите, пожалуйста, кто эта дама?

— Не узнали? Это «Мадам Бовари».

— Что вы говорите?! Как Эмочка переменялась!

Собеседник усмехнулся:

— Я думаю, переменяйся: в каждой газете по две статьи: одна — «за», другая — «против». Бедняжка ничего разобрать не может. Плачет, рыдает и делает полные сборы...

— Ну?! Что же Храпченко смотрит?!

По залу разносился низкий гул, напоминающий землетрясение, причем эпицентром его был столик Московского театра оперетты. Там сидело всего три человека.

— Кто это такие?

— Руководители театра оперетты: Александров, Алексеев, Ярон...

Кто-то удивился:

— Всего три человека, а производят такой шум... В чем дело?

— «Взаимная любовь».

Другая волна землетрясения шла от киоска, где выдавали лавровые венки. Некая приехавшая из Ростова артистка получила порцию лавров вне очереди.

Разыгрался шумный скандал:

— Без очереди не давать! Безобразия! Мы тут двадцать лет ждем!

— Приезжим не давать!

Чей-то высокий плаксивый голос выкрикнул:

— Вообще, кто ее рекомендовал?!

— Какая-то «Трактирщица»!

— Безобразия! По рекомендации

«Трактирщицы» дают лавры, а по рекомендации королевы «Марии Тюдор» ни черта не дают...

— И что Юзовский смотрит?!

Около бродячего шарманщика, на плече которого сидел большой голубой попугай, толпились бледные завлиты. Они торопливо совали монеты в черную ладонь владельца пернатого хироманта.

Шарманщик резко дергал плечом:

— Попочка, попочка, погадай.

Скажи товарищу Горюнову, что ждет театр Вахтангова в будущем сезоне?..

И попугай, хлопая подрезанными крыльями, резким птичьим голосом выкрикивал неутешительные предсказания:

— Славин пьесы не напишет!

— Олеша пьесы не напишет!

— Гусев пьесы не напишет!

— Чекин пьесу напишет!

Решительный Горюнов свернул шею пернатому предсказателю и этим обеспечил выполнение репертуарного плана.

А рядом соратник Горюнова по вахтанговскому театру режиссер Захава делился своим творческим опытом:

— Когда я приступаю к постановке пьесы некоторых наших драматургов, я вспоминаю притчу о солдате, который варил суп из топора. Я следую его системе. Я беру топ... я беру пьесу, прибавляю интермедийной мучицы, режиссерских круп, комедийного масла, несколько стручков трючков, и тогда зритель пьесу скушает...

Бал шел к концу. Московский театр «Комедия» догорел. Танцы прекратились. Закончилась эстрадная декада, убытки и жертвы подсчитываются. Прошел пятисотый

спектакль «Интервенции» у вахтанговцев. Присутствовало пятьсот человек. Прошел третий спектакль «Севильского цирюльщика» в театре Ленсовета. Присутствовало три человека. Один мудрец, наконец, понял статью В. Потапова. Это был критик В. Голубов.

Пирующие разбрелись по столикам и вели мирные предрассветные беседы. Особенно мирно беседовали между собой музыкальные критики Городинский и Хубов: была вызвана конная милиция и пожарная часть.

Таиров поймал за пуговицу какого-то не успевшего увернуться зрителя и стал его интервьюировать:

— Вы знаете, я возобновил в Камерном театре «Сильнее смерти» Жаткина.

— Знаю.

— Вы видели?

— Видел.

— Ну, и как?

— Скука «Сильнее смерти», Александр Яковлевич.

Таиров в сердцах оторвал пуговицу.

Расходились, когда на улице уже плыл мутный зимний рассвет.

Евг. БЕРМОНТ

Родной город

ПРОВОДНИК сообщил: в городе В. придется ждать сутки, пока вагон прицепят к тбилисскому поезду.

— Будет остановка? — один из пассажиров, только что проснувшийся, спрыгнул с верхней полки. — Да неужели на целые сутки? — спрашивал, он, улыбаясь во все стороны.

— Чему вы так обрадовались? Городишко — дыра.

— Дыра, — согласился он. — Но какая дыра! Своя. Родная. Я здесь родился.

— Двадцать лет не бывал здесь, — говорил он, розовый и счастливый. — Двадцать лет! А все помню. Нежно помню. Городишко чудный, весь в садах. В самом центре есть каштановая роща. Гигантская.

В купе, кроме него, было еще двое пассажиров: маленький круглый человек в пенсне, бухгалтер какого-то строительного треста, и молодая девушка-плановик.

Едва поезд остановился, местный уроженец повел своих соседей знакомыми ходами по ту сторону вокзала.

Он обещал им сразу же показать невиданных масштабов площадь.

— Вот сейчас, вот за этим пакгаузом, товарищи... Вот!

Но вместо площади перед ними открылось несколько параллельных улиц из деревянных и глинобитных домиков.

— Так... Перемена декорации. Ну, это они тут без меня устроили. Пошли дальше. Я вам другую достопримечательность покажу. Ворота. Большие каменные ворота, по фронтому которых выбито «На Тифлис».

Вдруг он замедлил шаг и подозрительно умолк. Проходила мимо озабоченная хозяйка с плетеной «авоськой», полной покупок. Он задержал ее, отвел в сторону, принял допрашивать тихим, но суровым голосом:

— Здешняя? Куда ворота подевали?.. Какие, какие! Известно, какие... Тифлиские! Где ворота?

Женщина испуганно попятилась, а потом кинулась прочь, обеими руками прижимая к себе плетенку.

— Честное слово, товарищи, — оправдывался старожил перед бухгалтером и девушкой, — вот здесь были ворота.

— Но, может быть, вы забыли и совсем не отсюда родом? Сколько все-таки лет прошло, — сочувственно сказала девушка.

— Но уверяю вас, что отсюда. Вот здесь вот, неподалеку, справа, должен быть дом, в котором я прожил двадцать лет. Идемте, идемте только, я вам покажу.

И опять нечего было показывать. Или он не узнал своего дома и прошел мимо? Маленький был такой, уютный домик с тремя окошками на улицу. Куда же он мог подеваться?..

Нет, надо вернуться, надо поискать. Синий такой, одноэтажный домик на улице...

Не было нигде синего домика.

Тогда он направился к милиционеру на углу. Милиционер, козырнув, посоветовал заглядывать в ворота: может быть, по двору гражданин найдет свой домик.

— Потому что кто ж его знает! — объяснил милиционер. — Домик был синий, а нынче, счень просто, сделан серый или коричневый по случаю ремонта.

Старожил последовал этому совету и почти тотчас же отыскал свой двор.

— Есть! Вот он! — обрадованно крикнул он. — Наш двор. Во время больших дождей здесь плавать можно было. А домика нету. Снесли домик и новый выстроили. Видите?

Благодарный милиционеру, он снова вернулся к нему и тихо, тайком от спутников спрашивал:

— Товарищ, скажите: были или не были тут Тифлиские ворота? Вон там, в конце бульвара... Были ведь?

— Так точно. Но поскольку они мешали движению городского транспорта, постольку... — Снесли?! — вскричал старожил.

Милиционер медленно, с достоинством покачал головой.

— Перенесли, — сказал он. — В другое место. Дальше по старой Тифлисской дороге.

— Товарищи, сюда! Сюда, скорее! — позвал человек из вагона своих спутников и, ликуя, заставил милиционера повторить свои слова.

Часом позже он привел своих товарищей в каштановую рощу, в ту самую, гигантскую, с которой ни один парк столицы не мог бы сравниться. Роща, действительно, была очень хороша, но ее никак нельзя было назвать огромной. Едва экскурсия, сопровождаемая местным уроженцем, вошла в сад, в широкую и тенистую аллею, где с обеих сторон вековые деревья смыкали ветви, полные уже тлеющей листвы, как в глубине открылась будка, торгующая минеральными водами и мороженым: то был конец рощи; будка обозначила собой слишком близкий рубеж всего того, что с юных лет цвело в воображении могучими каштановыми дебрями.

Старожил стих. Ничем больше он не осмеливался удивлять своих спутников.

Экскурсия вскоре распалась. Человек, попавший на родину, бродил один по городу в поисках все новых и новых следов прошлого. Медная табличка на дверях: «Зубной врач С. В. Овадис» — ошеломила его: жив старик!

Ему захотелось непременно повидать врача, у которого он лечился. Он позвонил, долго тряс руку ничего не понимающему старику. Потом сел в зубо-врачебное кресло и назвал себя.

— Разве вы меня не помните? — спросил он. Старичок в халате неопределенно кивнул и вооружился инструментом.

— Помилуйте, — сказал гость, — мне ничего не надо. Обратите только внимание на эту пломбу.

— Пломба в порядке.

— Вот то-то и оно, что в порядке. Отлично держится. А вы мне ее поставили четверть века назад, когда я был еще совсем мальчишкой. Понимаете?

— Да. Понимаю. Значит, вы хотите заметить ее?

— Зачем?.. Она так хорошо служит!..

И долго еще бедный старичок не мог понять, чего же хочет от него этот таинственный пациент.

Потом местный уроженец совершил зачем-то далекую прогулку к Холодному роднику, где весною в изобилии цвели ромашки и куда так приятно было ездить на пикники.

День заканчивался. Человек вернулся в город, на главную улицу, и вскоре нашел здесь еще одну памятку: железный поржавевший балкон. Была некогда теплая, летняя ночь. Пятнадцатилетним юношей он сидел на этом балконе с девочкой-подростком. Девочка протянула ему один из картонных квадратиков «Почты цветов» и шепнула:

— Гелиотроп.

На квадратике, рядом со словом «Гелиотроп», сказано было: «Простишь ли мне ревнивые мечты, моей любви безумное волнение?» Он опалел тогда от гордости и счастья, но послал ей дерзкую «Азалию». Он пошутил в ответ на ее признание, выбрав строки «Ночной зефир струит эфир. Шумит, бежит Гвадалквивир». И она обиделась, она обиделась жестоко, навсегда...

Поздно ночью все пассажиры вернулись в вагон. Человек, побывавший на родине, ходил из одного купе в другое и всюду с одинаковым удивлением слушал рассказы своих спутников.

Выходило, что это совсем другой город, вовсе не тот, который он видел сегодня, и ничего общего не имеющий с тем милым, навеки памятным, но забытым местом, где протекли его детство и юность.

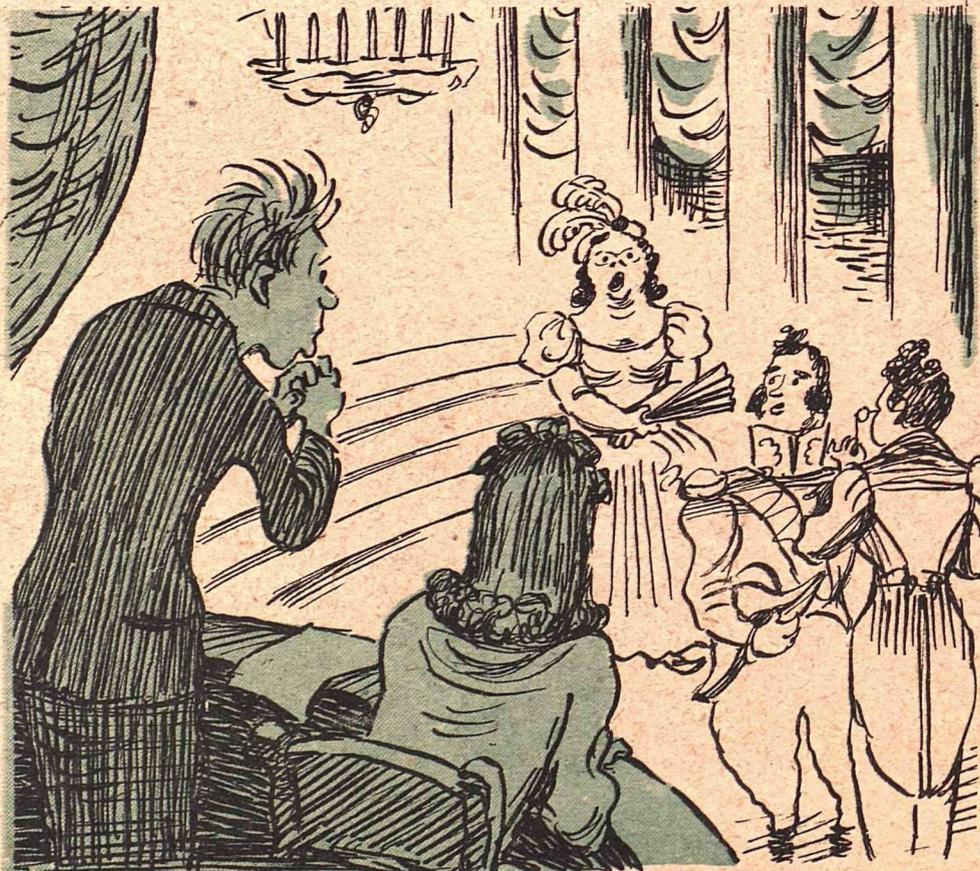
Он кинулся кожкам, чтобы в последние, прощальные минуты взглянуть хотя бы издали на все то, чего он не заметил в продолжение целого дня.

Поезд уже тронулся в путь. Ему показывали на ослепительные голубые зарницы в далеких стеклах, где-то на окраине, и то был большой завод электрической арматуры. Белый дым стлался высоко над огнями слева, и это, оказывается, курилась труба суточной фабрики. Длинные этажи огней сверкали в разных концах города, и их называли ему то консервным заводом, то швейной фабрикой, то медицинским институтом, то молочным комбинатом, то заводом сельско-хозяйственных орудий...

Колеса часто и мерно гревели на стыках.

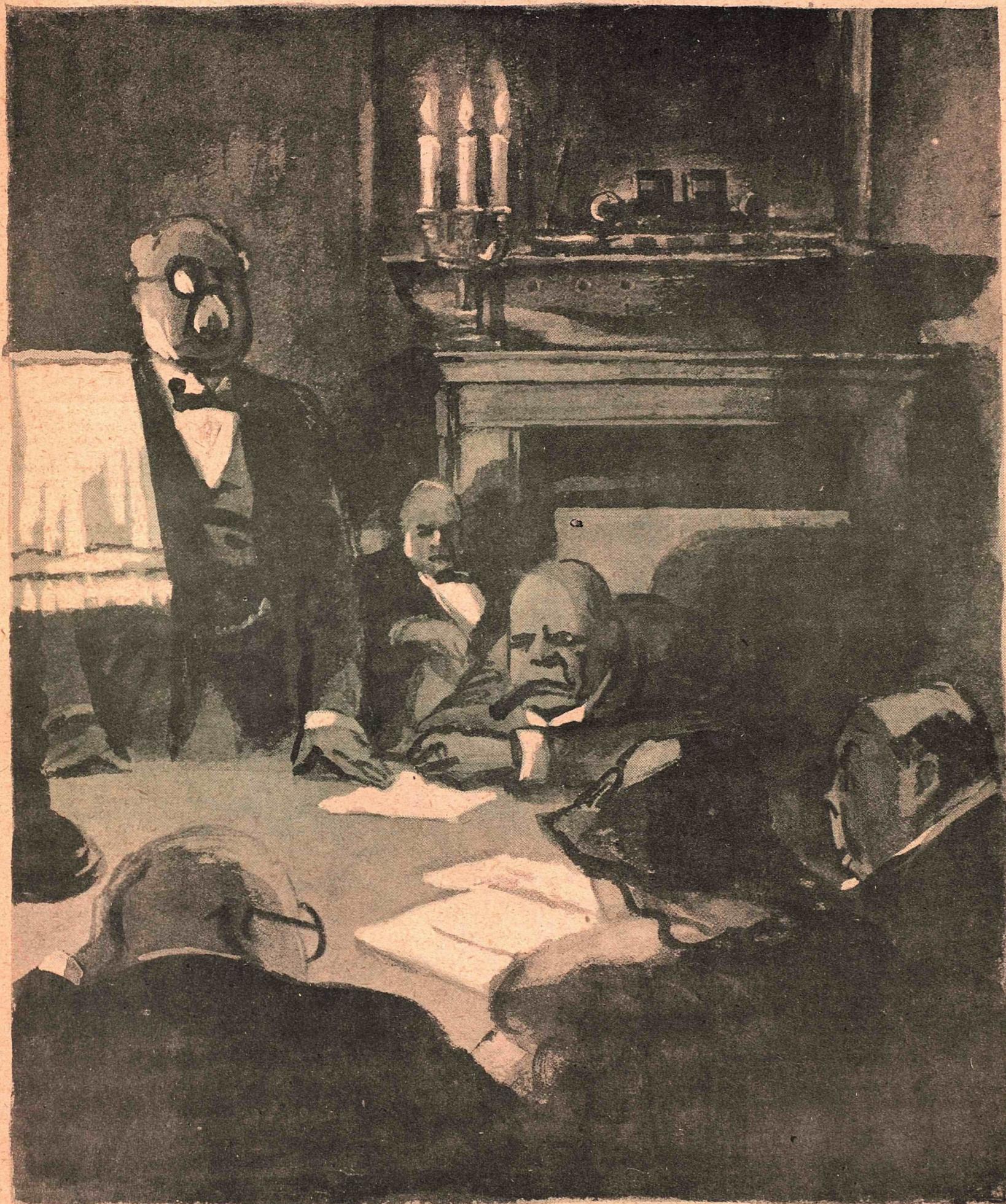
НА СПЕКТАКЛЕ «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Рис. Н. Радова

ГОЛОС ИЗ ПУБЛИКИ: — Ужель та самая Татьяна?!

А. ЭРЛИХ

-- Джентльмены, этот временный затор в прибылях происходит исключительно из-за преступной медлительности противника, не потопившего за неделю ни одного судна нашей компании. Будем надеяться, что в ближайшие дни наши дела поправятся.

Рис. Езана

Семейный портрет.

Случай в дверях

Кто при значках и галуне кричит, раскрывши рот трубою: — Эй, гражданин, швейцаров нет! Закрывать извольте за собою! Боясь случайностей превратных, я обернулся... Сам привратник! Он горд, он облечен доверьем, Он первый здесь по бороде, он глазаведующий дверью! И комендант ВеХаОде! Страхусь, проза не за горою, я понимаю... я закрою!..

С. КИРСАНОВ

ЭТО БЫЛО БЫ ИДЕАЛЬНО!

РЕДАКТОР. Вы заказали статью товарищу Метелкину?
СЕКРЕТАРЬ. Заказал. Но боюсь, что он поручил написать своему секретарю.
РЕДАКТОР. Это было бы идеально! К сожалению, он сам хочет написать...

РАЗГОВОРЫ

Рис. Е. Ведерникова

— Тебе сколько лет?
— Два. А тебе?
— А мне годик...
Разговор в кулуарах народного суда.

— Тебе спектакль понравился?
— Да. Особенно Коонен: она хорошо играет мадам Бовари.
Разговор в Камерном театре на спектакле «Золото».

— Сегодня вечером что делаешь?
— Еще не знаю. Или зарежу Харламова или задущу Карпова.
Разговор двух критиков.

ЗНАТНЫЙ
ЛЕДОРЕЗ
ЯКОВ МЕЛЬНИКОВ

Рис. Г. Валька

Девиз дядюшки Якова: перегнуть всякого.

ПЛОХАЯ
ПРИМЕТА

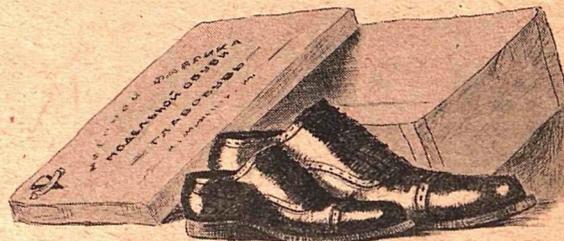
Хоть мы суеверья вконец изживаем, Но... числа порою привносят нам зло: Попав под тринадцатый номер трамвая, Ты можешь отметить — дурное число.

СКЕПТИК

Рис. А. Генча

— Не понимаю. И так сколько, а они еще коньки надели.

Неравный брак.

НА СПЕКТАКЛЕ
«АННА
КАРЕНИНА»

Партер. Он и она.
ОН. Вот увидишь: в следующем действии она бросится под поезд.
ОНА (ревниво). Ты уже этот спектакль смотрел? О кем?

ЗАТРАВИЛИ

— Уйду. Обязательно уйду. Не создают условий для работы.
— А в чем дело?
— Район мне попался тяжелый. Раньше я работал в Воробьевском районе. Глина! Требовали, чтобы я занялся кирпичом. Ушел — Попал в Соловьевский район. Лен! «Делай, — говорят, — шпатель и веревки». Ушел. Очутился в Пичугском районе. Лес!.. Ушел. А теперь попался мне район, где и глина, и лен, и лес, и еще вдобавок торф. Уйду!..

ПРОЕКТ
КНИЖНОЙ
РЕКЛАМЫ

Гражданин, имейте совесть: Вперед до гробовой доски Вы читайте эту повесть От тоски и до тоски!

Рис. А. Баженова

— Этой зубной щетки хватит только на один день.
— А вы возьмите сразу 30 штук, тогда на целый месяц хватит.

ВЫГОДНАЯ
СДЕЛКА

Сценарист директору киностудии:
— Я к вам с деловым предложением. Предположим, я написал сценарий. Вы мне уплатили 20 или 30 тысяч. Истратили на постановку миллион рублей. А картина все равно не пойдет. Так лучше дайте мне 10 тысяч, и я не буду писать сценария...

Рис. Е. Ведерникова

Выходила на берег Катюша...

Дорогой Крокодил!

(Письма читателей)

Дорогой Крокодил!

Областная газета «Советская Хакассия» скромно сообщает, что в тресте Хакаслес была организована «школа танцев, в которой без отрыва от производства обучалось 20 человек».

Честь и слава работникам треста! Подумать только — 20 человек без ущерба для производства овладели высотами танцевального дела! И этому «героическому» поступку газета уделила всего 15 строк! Между тем изучить в совершенстве фокстрот значительно сложнее, чем сотрудникам газеты «Советская Хакассия» научиться без отрыва от производства писать толковые заметки.

М. ПОПОВ

пос. Коммунар,
Красноярского края.

Дорогой Крокодил!

Если тебе часом работники Хвойнинского райсовета будут жаловаться на нераспорядительность своего исполкома, который, мол, не обеспечил совет топливом, оставь эту жалобу без последствий.

Подумай только! Благодаря неунынным заботам руководства исполкома сотрудники райсовета имеют возможность систематически закалять на свежем воздухе свой организм.

Ежедневно с утра, отметив свою явку, сотрудники берут пилы и топоры и в организованном порядке направляются в лес. Напивив и нарубив положенное количество дров, райсоветчики свозят их к себе в учреждение и топят печь.

Самочувствие сотрудников совета превосходное, так что жаловаться им, право, нечего.

А. НОВИКОВ

пос. Хвойная,
Ленинградской области.

Дорогой Крокодил!

Рассуди, пожалуйста, к достижениям какой науки следует отнести диагноз, поставленный помощником уполномоченного уголовного розыска милиции г. Улан-Уда, сержантом милиции Рябоклячем.

Констатируя смерть одного работника нашего завода, тов. Рябокляч пришел к выводу, что «он умер от того, что много напил вина, а кушать ничего не кушал и водка загорелась в него внутри».

Что это: обычный случай самовозгорания воспламеняющейся жидкости, или редкое биохимическое явление, или ни то и ни другое, а просто тов. Рябокляч хотел похвастаться своими глубокими знаниями в области медицины?

ЛАГУТИН.

г. Улан-Удэ.

почтовое отделение крокодила

Горьковский район Омской области. Райсовет. Председателю исполкома Сягаеву:

«Уважаемый тов. Сягаев!

Вы мучительно бьетесь над решением проклятого вопроса: за что бы штрафовать граждан вашего района?

Начали вы довольно смело: вызвали родителей на школьное собрание 22 декабря 1940 г. под угрозой штрафа за неявку.

Здесь уже видны проблески административного гения, но это еще далеко до совершенства.

А почему бы вам не ввести штрафы за прическу ежиком, за ношение калош в дождливую погоду или за приветствие знакомых при встрече путем кратковременного приподымания головного убора?

Вы спросите: почему наши советы мы отправляем ценным письмом?

Полагаем, что они будут для вас ценным пособием при вашей дальнейшей административно-штрафовальной деятельности».

2

Почтовое отделение, как известно, принимает подписку на газеты, а также принимает претензии и жалобы подписчиков.

Вот, например, подписчики газеты «Эвенкская новая жизнь» жалуются.

— Вы, — говорят они почтовому отделению, — хотя и доставляете газету аккуратно, но что же в газете написано? В номере газеты от 27 сентября 1940 года напечатано о ветре. Однако не думайте, что речь идет о ветродвигателях или о так называемой «голубой энергии». Нет, там о ветре сказано совсем иначе:

«— Ты что, невежа, пристаешь, Не видишь, с кем иду я?»

Не понял ветер мой вопрос, Дразнил шепча и дуя».

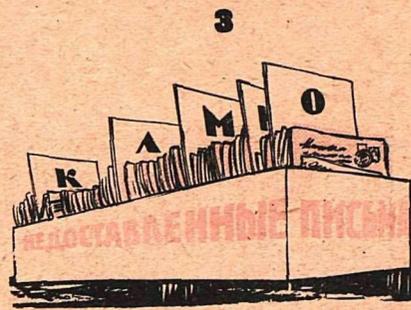
Далее, ветер повел себя еще хуже:

«Он в мой зачес навил колецу, Схватил у Оли косу.

И вдруг на плечи мне, подлец, Кладет ее без спросу».

Действительно, развато гуляет ветер по страницам «Эвенкской новой жизни».

Почтовое отделение Крокодила считает претензии и жалобы подписчиков «Эвенкской новой жизни» совершенно основательными.

Нашему почтовому отделению доподлинно известно, что харьковская контора «Кавминводразлив» начиная с 1937 года настойчиво рассылает письма нижеследующим адресатам:

- а) судебному исполнителю 6-го участка города Мереры (Харьковской области);
- б) районному прокурору той же Мереры;
- в) областному прокурору города Харькова;
- г) начальнику управления НКЮ по Харьковской области.

Все эти письма, прямо скажем, крайне однообразны. Их содержание можно изложить в одной фразе:

«Взыщите, наконец, 5568 рублей с растратчика Дейнеки, Василия Ивановича!!!»

Очевидно, эти письма к адресату не дошли, потому что ни отчета, ни денег не видать.

Ну если письма не доставлены, почтовое отделение Крокодила берется доставить их по назначению.

Доставку гарантируем.

Распишитесь в получении.

4

Председателю уголовно-кассационной коллегии Читинского областного суда тов. Николаеву.

Вы вынесли частное определение о грубых нарушениях процессуального кодекса судьей тов. Барановой. Помните? Вы так и написали:

«Дело заслуживает отмены, но, учтя, что оно гонится с марта 1938 года, во избежание волокиты, приговор оставить в силе».

Может быть, это — и ваше совершенно частное определение, но мы считаем, что незаконно вынесенное решение должно быть отменено.

Сообщаем вам об этом в открытке, потому что тайны из нашего разъяснения и из ваших определений делать нечего.

Пусть знают все!

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 46, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 3 до 7 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 20 к. в месяц.

Изд-во «Правда».

А 35450. Москва. Изд. № 97.

Подписано к печати 24/1 1941 г.

Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78000

Типография газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 181. Тираж 271 000 экз.

Рис. Л. Бродаты

ОБЩАТ
31 ЯНВ 1934
В. С.

— Какой привет Всесоюзной партийной конференции прислали горняки Криворожья?
— Очень длинный: 114 вагонов руды.

Получ.	1/11		
Дни	1/11		
В. С. ХИЗ	3/11		